

Идеи и жизнь

МЕССИАНСКАЯ ВѢРА

Под мессіанской вѣрой или мессіанством мы разумѣем такую форму духовности, в которой господствует ожиданіе пришествія провиденціального лица (Мессіа — слово означающее «помазанный», производное от еврейскаго глагола «меша», точным греческим переводом котораго является Христос) или, при отсутствіи индивидуального Мессіа, эпохи желаннаго обновленія (мессіанской эры). Эта вѣра содержит два элемента: мессіанское вѣрованіе, элемент интеллектуальный, и мессіанское ожиданіе, элемент эмоціональный.

Исторія религій открывает повсюду слѣды мессіанства. Почти всѣ народы древности питали болѣе или менѣе смутныя надежды на избавителя. Эти чаянія выражают мифы о Тифонѣ и Горѣ в Египетѣ, о Митрѣ в Персіи, аватары Браммы в Индіи. У греков Эсхил показывает нам Прометея, жертву Зевса, ожидающим с надеждой бога, который положит конец его страданіям и возьмет их на себя. Мессіанская идея отражается даже в мифологіях Китая, Скандинавіи и Мексики.

Тацит и Светоній приводят мнѣніе, распространенное по всему древнему Востоку, что Иудея должна нѣкогда дать влестителя міра. Дѣйствительно существует особая связь между іудаизмом и мессіанством. Правда, самое слово Мессіа встрѣчается лишь два раза в еврейской Библии. Оно находится в главѣ IX, стих. 25 и 26 книги пр. Даніила. Это знаменитое мѣсто, гдѣ возвѣщается, что, по истеченіи семидесяти седмиц, грѣх прекратится, правда будет явлена, Помазанник восторжествует, потом через шестьдесят двѣ седмины, Он будет предан смерти, не имѣя никого, что бы вступился за него. Но эта единственная ссылка на Мессію подкрѣпляется многочисленными текстами Ветхаго Заваѣта, в которых, если Мессіа и не назван по имени, то мессіанская вѣра выражается со всею силою. Первое выраженіе ея можно найти в книгѣ Бытія (III, 5), гдѣ Бог говорит змію, что потомство жены сотрет его главу. Мессіанскіе намеки и болѣе точныя встрѣчаются в изобиліи. То это царь из рода Давидова, воспѣваемый псалмами, который уничтожит врагов Израиля, то это страдающій служитель Ягве, изображаемый Исаіей, князь міра, который

заставит пастись вмѣстѣ льва и ягненка, муж скорби, истязаемый за наши грѣхи. Помимо канонических книг, мессіанская вѣра еврейства нашла себѣ выраженіе в обширной литературѣ «псевдоепиграфов»: в Сивиллиных книгах, книгѣ Еноха, псалмах Соломона, второй книгѣ Еноха, апокалипсисах Ездры и Варуха. С разсѣяніем Израиля не прекратилось еврейское мессіанство. Извѣстно, что из среды еврейских общин в разное время выходили один за другим лже-мессіи: Менаген-бен Іуда, Моисей из Крита, Давид Альрой, Авраам Абулафія, Мардохей Мокиш, Іаков Франк; самый знаменитый из них был Шабетай Цви из Смирны (1626-1676); послѣдній, итальянец Монсей Луццато, умер в 1747 году. «Ортодоксальныя» еврейскія общины всегда признавали двѣнадцатый член так называемых «тринадцати основ вѣры» раввина Монне-бен-Маймон-Маймонида (1135-1204): «Вѣрую совершенною вѣрою в пришествіе Мессіи и, хотя он и медлит, буду ожидать его каждый день». (Эти слова кажутся пересказом одного мѣста из пр. Аввакума (II, 3): «И хотя бы и замедлило (исполненіе видѣній), жди его, ибо непременно сбудется, не отмѣнится»). Либеральный іудаизм и большинство еврейской интеллигенціи не вѣрит больше в личнаго Мессію, но и они хранят мессіанскую вѣру, объектом которой являются провиденціальныя судьбы их собственнаго народа и всего человѣчества. Отсюда эта страсть к справедливости и это вѣчное революціонное горѣніе, которыя дѣлают из Израиля фермент безпокойства среди народов. Развѣ марксизм и сіонизм не являются двумя аспектами еврейскаго мессіанства?

В Новом Завѣтѣ, так же как и в Вѣтхом (любопытное совпаденіе), слово Мессія встрѣчается только два раза, а именно в ев. от Іоанна. Один раз, когда Андрей сказал своему брату Симону: «Мы нашли Мессію» (I, 41). И другой раз, когда самарянка говорит Іисусу: «Знаю, что придет Мессія». И Іисус отвѣчает ей: «Это Я, который говорю с тобою» (IV, 25-26). Но мессіанская идея постоянно выражается в других символах, каковы: Сын человѣческой, Сын Божій, пришествіе Царства, брачный пир, второе пришествіе и т. д. Несмотря на настойчивость этих указаній, наше христіанство является ли еще мессіанским? Можем ли мы сказать, что мессіанская вѣра еще жива у современных христіан? Как совмѣщаются историческое христіанство и мессіанскія чаянія? В какія отношенія может вступать христіанскій мессіанизм с мессіанизмами не христіанскими? Или с движеніями в пользу соціальной реформы? Мы хотѣли бы попытаться кратко отвѣтить на эти вопросы.

Мессіанскія чаянія почти уже не существуют у большинства современных христіан. Когда они читают в первом посланіи ап. Павла к Коринфянам (I, 7): «Вы... ожидая явленія Господа нашего Іисуса Христа», или в первом посланіи к Фессалоникійцам (I, 9-10): «Вы обратились к Богу, чтобы... ожидать с небес Сына Его», и т. д., все это имѣет для них лишь отдаленный и смутный смысл. Если спросить у

них: «вѣруете ли вы в пришествіе Мессіи?», они найдут вопрос немногим странным и во всяком случаѣ не актуальным. Пришлось бы повторить вопрос, уточняя его. На вопрос: «вѣрите ли вы, что Мессія пришел?», они отвѣтили бы: «да, я вѣрю, потому что я христіанин». Но, если их спросить: «вѣрите ли вы, что Мессія придет?», они будут явно смущены и перестанут понимать вас.

Это потому, что мессіанская вѣра у большинства современных христіан всецѣло обращена к прошлому. Пришествіе Мессіи для них принадлежит исторіи. Иисус совершил свою миссію среди нас. Другіе прибавят: и Церковь продолжает среди нас Его миссію. Спасеніе раз навсегда предоставлено каждому. Послѣ смерти мы будем спасены, или, может-быть, осуждены. Какого же еще мессіанскаго явленія ожидать нам на землѣ? Можно чаять нашего личнаго спасенія в ином мірѣ, но какое основаніе для мессіанских чаяній в этом мірѣ? Слѣдует отмѣтить очень характерный фактъ: мы говорим об Иисусѣ, как о нашем Господѣ или нашем Спасителѣ, но чрезвычайно рѣдко современное христіанское благочестіе дает ему имя Мессіи.

Вопреки такому настроенію, слѣдует со всею силою утверждать, что мессіанская вѣра обращена к будущему еще болѣе, чѣм к прошлому. Конечно, мы вѣрим, что Иисус — Мессія, и что этот Мессія приходил к нам. Но пребываніе Иисуса посреди нас во дни Его земной жизни не исчерпывает всей мессіанской реальности. Мы вѣрим, что Мессія еще грядет, мы вѣрим, что Он придет, в большей полнотѣ, чѣм Он уже приходил. Мы повторяем о Нем прекрасныя слова одной поэмы Рабиндранат Тагора: «Он идет, идет, вѣчно идет...».

В каком смыслѣ Мессія приходит и придет еще раз? Чего мы ожидаем? Наше мессіанское ожиданіе имѣет двойкій предмет. С одной стороны, личный Мессія приходит и придет. Он приходит к нам каждый день и каждый час духовным и невидимым образом, являя Свое присутствіе ищущим Его. Он придет также видимым образом, во славу Своей в тот час, который Бог опредѣлил, и котораго мы не знаем. С другой стороны, мессіанское Царство, сѣмена котораго посеял Иисус, расстет среди нас. Оно еще далеко не то, чѣм должно бы быть; оно возрастает медленно, встрѣчая постоянныя задержки. Оно достигнет своей полноты, когда придет Мессія вторично в Своем лицѣ. Мы участвуем в борьбѣ за Мессію, боремся рядом с Ним. Видѣніе, которое пріоткрывается нам, какъ цѣль этой борьбы, это мессіанскій пир, который Евангеліе описывает много раз, и на который мы сами намекаем всякій раз, какъ читаем молитву «Отче Наш». Ибо, если признать справедливость превосходныхъ доводовъ, приведенныхъ в IV вѣкѣ бл. Іеронимом, а в наши дни Швейцером, то мы говорим не: «подай намъ хлѣбъ нашъ на каждый день», или «подай намъ хлѣбъ, необходимый для нашего существованія», или «подай намъ сверхсущностный хлѣбъ», но «подай намъ нашъ грядущій хлѣбъ» (это самый правильный

перевод греческаго *epiousios*), понимая под этим грядущим хлѣбом лиръ мессіанскаго Царства, т.-е. радость и силу Царства.

Подлинная мессіанская вѣра требует, чтобы будущая мессіанская реальность имѣла для нас больше значенія, чѣм реальность настоящая. Духовность мессіанская соединяется здѣсь с духовностью эсхатологической. Смысл нашей жизни должен быть в том, на что мы надѣемся и чего желаем. Первые хрістіане жили в мессіанском и эсхатологическом напряженіи, ожидая «парусін», возвращенія Христа. Такое состояніе духа стало чуждым для нас. Оно питалось в высокой степени такими тенденціями, как милленаризм (который может сослаться на имена Юстина мученика, Св. Ириней, Лактанція и Тертуллиана), монотаннизм (который еще ожидает своего справедливаго историческаго суда) или современныя секты, которыя имѣют, впрочем, разныя непріемлемыя стороны. Но огромная масса хрістіан прочно укоренена в настоящей жизни. Они думают, что послѣ смерти будет нѣчто — предпочтительно, счастье, сущность котораго не представляют себѣ отчетливо, — но это второе существованіе разсматривается как дополненіе к земной жизни, как постскриптум к письму, как приложение к книгѣ. В дѣйствительности, настоящая жизнь есть лишь предисловіе к книгѣ. Сама книга — это жизнь вѣчная. Уже теперь нужно перекинуть наше сердце по ту сторону рубежа. Значит ли это, что мессіанско-эсхатологическая вѣра непременно отнимет у людей всякій интерес к настоящей жизни, будет воспринимать аскетов, живущих вдали от міра, одним ожиданіем конца? Напротив. Поставить удареніе на грядущем Царствѣ значит получить пламенное вдохновеніе для битв земной жизни, значит сообщить новую и безконечную цѣнность малѣйшим подробностям этих битв. Гете сказал, что «тот, кто работает для своего времени, работает для всѣх времен». И обратно, можно сказать, что тот, кто хочет работать для вѣчнаго Царства Мессіи, тот работает особенно для своего собственнаго времени.

Еврейскій мессіаниззм искалъ не личнаго спасенія, но коллективнаго. Нужно было спасти народ израильскій. У хрістіанскаго мессіанизма тоже вселенскіе горизонты. Хрістіане составляют новый Израиль. Всякій, кто входит в круг мессіанской вѣры, должен избавиться от болѣзненной одержимости своим собственным спасеніем и думать о спасеніи в терминах соборности. Божественный план обнимает все человѣчество. Апостол Павел желал быть отлученным, если бы мог спасти этим своих братьев.

Повторяем еще раз, мессіанская вѣра не предполагает отрыва от земли. Она вѣрит в вѣчную жизнь и Царство небесное, но она вѣрит также в возвращеніе Христа на эту землю, в мессіанское Царство, которое на землѣ будет предшествовать концу міра. Большинство вѣрующих перестали принимать всерьез слова ап. Павла о земном торжествѣ Христа. Но мы имѣем право, как и первые хрістіане, по-

нимать эти слова буквально и наивно, ожидать возвращения Мессии к нам и сделать это возвращение средоточием нашей духовной жизни.

Мессіанское царство не будет результатом прямолинейной эволюции, непрерывного прогресса. Евангеліе сравнивает его пришествіе с молніей. Оно придет, как катастрофа. Нѣтъ мессіанской вѣры без этой идеи конечной катастрофы, одновременно страшной и блаженной. Каждый христіанин, одушевленный христіанской вѣрой, должен имѣть в себѣ нѣчто катастрофическое. Но как можем мы участвовать в этом христіанском катастрофизмѣ, когда не знаем ни дня ни часа, когда, может-быть, еще сотни вѣков отдѣляют нас от Царства? Всѣ эти слова о мессіанизмѣ, эсхатологич., катастрофѣ не превращаются ли в чистую словесность за отсутствіем непосредственного практического примѣненія? Нѣтъ, потому что мы можем уже сейчас получить от нашей мессіанской вѣры два результата. Во-первых, результат личный: мы можем нашим собственным внутренним состояніем духа призывать и реализовать в нас желанную катастрофу, позволить Мессіи овладѣть мощно нашей душой. И потом мы можем дѣйствовать вовнѣ, идя мессіанским и эсхатологическим путем. Это значит, что, если мы сами горим мессіанской вѣрой, мы сообщим другим это напряженіе, этот огонь, это ожиданіе. Наше присутствіе будет для других толчком, электрическим разрядом, внезапным озареніем. Таким образом мы зажжем в разных мѣстах маленькіе очаги пожара, которые молнія соединит в один костер, когда возгорится послѣдній великій мессіанскій пожар. Ибо вселенская мессіанская катастрофа будет внезапной и независящей от нас, но в то же время она должна быть подготовлена нами и как бы начата на этой землѣ.

Ап. Петр говорит во втором посланіи (III, 12) странныя слова: мы должны ожидать и ускорять пришествіе «дня Божія». Как же можем мы ускорить этот день? Есть простой отвѣтъ на этот вопрос: Иисус пришел в мір сказать в прикровенных выраженіях, что конец міра зависит от воли его слушателей. Он так не хотѣл, чтобы мы устраивались в этом мірѣ, что начертал нам этику, несомнѣстимую с продолженіем нормального человѣческаго общежитія. Швейцер удачно назвал «Interimethik» эту переходную этику, которая позволила бы людям вызвать конец міра. Ибо, если бы люди осуществили абсолютную бѣдность, абсолютную чистоту, абсолютную любовь, указанную в Нагорной проповѣди, то этот мір окончился бы, пресобравившись в мессіанское Царство. Но христіане, в массѣ своей, не восприняли Нагорную проповѣдь, как заповѣдь абсолютную. Они обосновались на этой жизни и на компромиссѣ. Нѣкогда они умоляли: «Гряди, Господи Иисусе», а в средніе вѣка молились об отсрочкѣ конечной катастрофы, *pro tunc finis*. Но остается еще в нашей власти ускорить конец, если мы добровольно поставим себя в нравственные условія, которыя должны привести к нему.

Эсхатологическое истолкованіе проповѣди Иисуса с большой энер-

гій было выдвинуто многими экзегетами в концѣ XIX-го и в XX-ом вѣкѣ против морализирующаго истолкованія либеральнаго протестантизма. Но странно, что, параллельно с этой научной тенденціей, но зародилось эсхатологическаго теченія в христіанском благочестіи. Швейцер в этом отношеніи представляет исключеніе. Отсутствие сильнаго мессіанскаго и эсхатологическаго ударенія является источником слабости для современнаго христіанства. Мессіанскій энтузіазм мог бы явиться ферментом жизни для «соціального христіанства». Этот энтузіазм мог бы явиться противовѣсом и преодоленіем ложных мессіанизмов, коммунистическаго и тоталитарнаго государства. В то же время он отвѣтил бы на то, что есть истиннаго и жизненнаго в этих мессіанизмах, на их смутныя чаянія лучшаго порядка. Дерзновенное христіанское мессіанство открыло бы людям великую надежду, против которой и смерть безсильна. Оно провозгласило бы великое освобожденіе, оно сказало бы современному міру то, что Павел говорил грекам: «Сего то Бога, котораго вы, не зная, чтите, я проповѣдую вам». Христіанское мессіанство явилось бы фактором сближенія с Исламом, который предвидит возвращеніе Иисуса перед концом міра, и с іудейством, которое чае мессіанской эры. (Впрочем, судьбы еврейскаго народа внутренне связаны с будущими событіями христіанской эсхатологии, и можно сказать, что этот народ как бы держит ключи мессіанскаго Царства).

Почему великое мессіанское движеніе не могло бы возгорѣться внутри христіанства? Как бы то ни было, будем повторять с вѣрой слова ап. Петра (II, III, 13): «Мы, по обѣтованію его, ожидаем новаго неба и новой земли, на которых обитает правда».

Иеромонах Лев Жилле.

ПОД ЗНАКОМ ГИБЕЛИ

Не буду повторять в тысячный раз характеристики нашего времени. Всякому, кто не слѣп, очевидна его гибельность, всякій, кто не глух, слышит подземные раскаты приближающагося землетрясенія. Но есть в нашей эпохѣ одна черта, утвержденіе которой может показаться парадоксальным, — до такой степени, на первый взгляд, все в ней говорит об обратном. Парадокс этот заключается в том, что наша безбожная, — а не только нехристіанская — эпоха, наше материалистическое, нигилистическое, ланцизированное время вмѣстѣ с тѣм оказывается временем как бы по преимуществу христіанским, как бы призванным раскрыть и утвердить христіанскую тайну в мірѣ. И точнѣе, — тайну христіанскаго Апокалипсиса. Этот парадокс подтвержда-